

Если чтения акад. Георгиевым ряда знаков минойского письма и не будут приняты в науку, то, во всяком случае, его работа намечает пути, ведущие к раскрытию тайны минойского письма.

Проф. С. Я. Лурье

T. ZAWADZKIY, Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajów małoazjatyckich w epoce hellenizmu, Poznań, 1952, 80 стр. (Труды Исторической комиссии Познанского товарищества друзей науки, т. XVI, № 3).

Рецензируемая работа польского ученого Т. Завадского «Из проблем аграрно-социальной структуры малоазийских стран в эпоху эллинизма» представляет очень интересное исследование земельных отношений в Малой Азии — одной из важнейших проблем социальной истории эллинистического времени. Работа состоит из небольшого введения и двух разделов и снабжена резюме на английском языке.

Автор определяет эллинизм как «период взаимопроникновения социально-экономических форм, образовавшихся в странах эллинистического Востока, и форм, созданных греческим миром» (стр. 1).

Данное определение эллинизма не может полностью удовлетворить советского читателя, поскольку остается скрытым само содержание «взаимопроникающих социально-экономических форм», однако рассмотрение эллинизма, как явления в первую очередь социально-экономического, и подчеркивание активного участия восточных элементов в этом процессе представляются вполне правильными.

Очень интересен первый раздел работы, в котором автор исследует «Крупные домены как тип земельного владения, их структуру и систему администрации» (стр. 10—47). Автор, оспаривая точку зрения Ростовцева, сильно преувеличивающего размеры «царской земли» и вообще крупного землевладения, считает вместе со Свободой, Джонсом и Бикерманом, что система крупных доменов существовала только на небольшой части царской земли. По мнению Т. Завадского, эта система крупных доменов на царской земле восходит еще ко времени Ахеменидов, когда царь, оставаясь верховным собственником всей земли, даровал крупные земельные владения иранской знати в целях укрепления персидского господства в покоренной стране. Аналогичную политику вели затем и селевкидские правители. Как полагает Т. Завадский, это было обусловлено слабой организацией общей и экономической администрации в государственном аппарате Селевкидов, где самая мелкая административно-территориальная единица, гипархия¹, занимала несколько тысяч квадратных километров. К тому же, согласно исследованию Т. Завадского, в гипархии не было специальных чиновников по финансовым и экономическим делам, а единственное кадастровое учреждение для всех малоазийских сатрапий находилось в Сардах.

Селевкиды, как правило, не посягали на территории союзных греческих полисов в своей державе и ограничивались заменой прежних иранских владетелей греко-македонянами. В отличие от Ахеменидов Селевкиды проводили некоторые меры, направленные даже на усиление тех или иных полисов. Так, например, крупные домены, находившиеся на царской земле, дарились частным лицам на правах полной собственности, но при условии приписки к территории соседнего полиса (надписи Лаодики и Аристоклида). Все же этот тип дарений не был распространен; широкую практику приобрел тип дарений частным лицам только с правом условного владения; в этом случае домены оставались в пределах *χωρά βασιλική* и выплачивался *φόρος*, вносившийся в хилиархию.

На стр. 21—34 автор дает подробный анализ надписи Мнесимаха, к которой он возвращается неоднократно и во втором разделе. Очень остроумна и убедительна датировка Мнесимаховой надписи, которую автор относит к 211 г. до

¹ Завадский отвергает гипотезу Тарна о трехступенном административном делении в государстве Селевкидов.

н. э. (*terminus ante quem*). Структура поместья Мнесимаха: деревни — *κώμαι*, усадьбы — *αἰαίαι*, наделы — *κλήροι* и *χωρία ἐξαιρήματα*. Последние, как полагает автор, это участки, выделенные из общей земельной территории и свободные от уплаты палого.

Крупные поместья фактически оставались в наследственном владении и отбирались только в случае неуплаты подати условным владельцем. Должны были существовать определенные правовые нормы конфискации этих имений монархом; в противном случае, как справедливо отмечает автор, не был бы возможным заклад таких имений храмам. Т. Завадский впервые проанализировал в связи с земельной политикой Селевкидов Самосский декрет в честь Булагора (SEG I, 366); автор склонен видеть в Антиохе, упоминаемом в надписи, Антиоха II Теоса, а не Гиеракса (стр. 35, прим. 38). Он полагает также, что упомянутые в декрете *κτῆματα* на территории Анагитис были отданы сановникам только в условное владение.

Второй раздел книги посвящен выяснению положения крестьян в крупных доменах, а также за их пределами (стр. 48—64). Т. Завадский полагает, что «характерной чертой положения крестьян, живущих на территории крупных доменов, было то, что они считались составной частью этих имений, переходя из рук одного владельца к другому». Автор подчеркивает, что эти крестьяне (*λαοί*) могут отчуждаться только вместе с поместьем, рассматриваются как подданные и собственность царя и что в надписи Мнесимаха их отличают от рабов (*οἰκέται*). Т. Завадский предполагает, что социальный и юридический статус крестьян — подданных царя — был гарантирован от посягательств крупных владельцев специальной юрисдикцией или особыми учреждениями; в связи с этим он видит в отрывке из Деметрия Скепсийского: *ὄν καὶ ὁ πρῶτος μετὰ Φιλέταιρον ἄρξας Περιγάμου Ἀττάλος δικάσεν καθεστάναι βασιλικῶν τῶν περὶ τὴν Αἰολίδα* (Athen., XV, 697 с аргументом в пользу существования специальных судов для *λαοί*, унаследованных Атталидами от Селевкидов; Т. Завадский допускает, однако, возможность и другого объяснения (*gen. от τὰ βασιλικά*).

Специфика аграрных отношений в Малой Азии рассматриваемого времени, по мнению автора, состояла прежде всего в значительной личной зависимости *λαοί* от частных землевладельцев. Несомненен факт существования принудительного труда в пользу частного лица (*φόρος λητουργικός*). Т. Завадский считает, что *κλήροι* и *χωρία* Мнесимаха составляли ту часть поместья, которая обрабатывалась в пользу землевладельца, причем часть дохода с клеров поступала в хилиархию, тогда как *χωρία* в качестве *ἐξαιρήματα* не подлежали обложению. В надписи Мнесимаха содержится также упоминание о том, что часть крестьян жила не в деревнях, а на участках вместе с рабами и, повидимому, находилась в большей зависимости от землевладельца, чем крестьяне, жившие в деревнях.

Истоки этой зависимости автор ищет в социальном строе времени Ахеменидов, когда «персидская знать, жившая в укрепленных замках, имела в своем распоряжении разнообразные средства давления, которыми она принуждала население деревень данного домена к полному послушанию и зависимости» (стр. 53). Крестьяне — *λαοί* не имели организации, разве только культовую, как полагает Т. Завадский, во всяком случае *φόρος* собирался через владельцев доменов.

Ввиду того что крупные домены были лишь одним из типов землевладения, такое зависимое положение крестьян имело место только в этих крупных имениях, разбросанных по Малой Азии. Однако в *χωρία βασιλική* встречался еще и другой тип землевладения — самоуправляющиеся сельские общины и небольшие союзы этих общин, группировавшиеся вокруг центрального поселения. К сожалению, документальные данные об этих общинах имеются только для римского периода.

Т. Завадский, несомненно, прав, считая, что условия жизни крестьянства в римских провинциях Малой Азии развились из селевкидских и даже доселевкидских отношений (стр. 55 сл.). Для того чтобы доказать существование самоуправляющихся сельских общин на царской земле в до-римское время, он привлекает убедительные данные из истории малоазийских полисов.

Территории греческих городов обычно расширялись за счет прилегавшей царской земли, и при этом местное сельское население ставилось в определенную зависимость от греческих колонистов. Значительные группы несвободных крестьян из местного населения имелись на территории Гераклеи Понтийской, Византия, Зелей и др. В надписи из Зелей λεως, проживающий на клере Клеандра, по своему положению очень напоминает λαοί на ἐξαρήματα Мнесимаха. Аналогичную прослойку зависимого крестьянства автор усматривает и на землях Византия и в мариандинах. Кроме этой категории зависимых крестьян, на городской земле проживало и неполноправное местное население, пользовавшееся, однако, личной свободой и правом собственности; оно жило не на наделах, а общинами, и платило определенную подать городу (фригийцы Зелейской надписи, педиеи в Приене). Подобные автономные сельские общины занимали большую часть городской земли в Малой Азии.

Вышеизложенное, разумеется, не исчерпывает всего содержания рецензируемой работы; в книге Т. Завадского много интересных наблюдений, выпадающих при суммарной передаче содержания. Однако его работа не лишена, на наш взгляд, и существенных недостатков. Так, например, на протяжении всей книги автор даже не пытается дать общую характеристику производственных отношений в эллинистической Малой Азии. Обращает на себя внимание статичный подход к описанию социально-экономических явлений. Так, например, Т. Завадский рассматривает зависимых крестьян типа зелейского λεως и λαοί с ἐξαρήματα Мнесимаха как категорию, параллельно сосуществовавшую в течение веков с другой категорией крестьян, типа фригийцев Зелей и педиеев Приены. Между тем, такое резкое и безоговорочное разграничение этих категорий неправомерно, ибо формы зависимости крестьянства постепенно менялись в связи с экспансией полиса и развитием института частной собственности. Интересно не отмеченное Т. Завадским явление, что в приенских надписях после III в. до н. э. исчезают упоминания о педиеях, на месте которых выступают πάροικοι, κάτοικοι и οἱ ἀπὸ τῆς χώρας.

В книге явно ощущается недооценка Востока, сказавшаяся прежде всего в отношении к местным городам: автор считает их не городами, а только туземными поселениями без самоуправления. Только под влиянием длительной эллинизации, полагает Т. Завадский, эти местные поселения постепенно преобразовывались в города греческого типа, получали органы самоуправления, контролировали прилегающую к городу территорию (стр. 23—25). Однако отсутствие статуса греческого полиса еще не говорит об отсутствии самоуправляющейся городской общины в восточном городе. Используя метод широких аналогий, о котором автор весьма одобрительно отзывался во введении, можно привести в пример вавилонские города, которые хотя формально и не были полисами, но по существу, не уступали городам с организацией греческого типа¹.

Не совсем правильным представляется включение в один ряд с педиеями автономных общин долины Меандра, в частности общин Campi Nurgaleitici. Эти общины были храмовыми (что установил еще Рамсей), имели особую организацию, и их следовало бы выделить из χώρα βασιλική так же, как города. К сожалению, храмовое землевладение не рассмотрено в книге, хотя этот вид землевладения был чрезвычайно широко распространен в Малой Азии.

Применяемый автором термин «автономный» не вполне подходит к сельским общинам типа общин фригийцев, педиеев и т. п., так как они находились в определенной зависимости от города, храмовой организации или непосредственно от царя. Более правильным было их назвать полузависимыми.

Т. Завадский безоговорочно принимает чтение λεων αἰτοικων в Зелейской надписи; между тем это место в надписи, как известно, вызывает сомнение. Пред-

¹ Г. Х. Саркисян, Город селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1952, № 1, стр. 68—83.

ставляется также спорным чтение βασιλικὸν у Афиней, принимаемое автором и Д. Меджи¹; оно очень заманчиво, однако, грамматически более правильно читать βασιλικόν, как это делал Мейнеке, а вслед за ним Диттенбергер, Белох, Ростовцев и др. Аргументация автора не всегда убедительна. Из факта распространенности иранского пантеона и иранских имен в Понте и Каппадокии нельзя еще сделать категорический вывод, что персы в этих странах составляли большинство знати (стр. 14). Иранский пантеон и имена были очень распространены и в Армении и в Грузии этого времени, однако в этих странах совсем не было персидской знати. Этот факт легко объясняется политическим господством ахеменидского Ирана в этих странах, а также культурными влияниями.

Может вызвать возражение также преувеличение значения лидийской торговли и особенно утверждение, что лидийская аристократия состояла из богатых купцов (стр. 11). Некоторые надписи, анализируемые Т. Завадским, были иначе интерпретированы А. Б. Рановичем; к сожалению, автор не затронул в книге вопроса о своих расхождениях с А. Б. Рановичем, хотя книга последнего ему известна. В некоторых случаях, особенно в резюме, Т. Завадский пользуется принятой буржуазной историографией терминологией, — например, условных владельцев земли в период эллинизма он называет ленд-лордами, а укрепленные центры владений безоговорочно называет замками (castles).

Книга Т. Завадского является единственной монографической работой по земельным отношениям в Малой Азии эллинистического времени. Перевод ее на русский язык, несомненно, вызвал бы большой интерес у советского читателя.

А. Г. Периханян

L. HOMO, Alexandre le Grand, P., 1951, 391 стр.

F. SCHACHERMEYR, Alexander der Grosse. Ingenium und Macht, Graz, 1949, 495 стр.

После второй мировой войны у буржуазных историков необычайно возрос интерес к личности и деятельности Александра Македонского². Этот интерес не случаен. Временные успехи фашистского диктатора «Третьей империи» ассоциировались с «мировыми» завоеваниями Александра, а крушение «нового порядка» в Европе заставило еще раз задуматься о причинах распада его монархии. Стремление американских империалистов к мировому господству также заставляет идеологов буржуазии искать в близком и далеком прошлом исторические параллели и аналогии, которые смогли бы служить «обоснованием» для их захватнической политики. Англо-американские буржуазные историки, в частности, связывают попытки Александра сплотить воедино завоеванные им разноплеменные территории со стремлением современных империалистических держав создать различные «содружества» и «сообщества» наций.

Однако, независимо от политических тенденций ученых тех или иных стран, общим для всех новых работ буржуазных историков является культ личности Александра и неизмеримая переоценка его роли в решении судеб восточных и западных

¹ См. D. Megie, Roman Rule in Asia Minor, Princeton, 1950, стр. 143.

² За это время появился ряд статей и комментированных переводов основных историков по истории походов Александра: Арриана (Capelle, 1950), Курция Руфа (Rolfe, 1947), а также несколько больших монографий: А. Р. В у г н, Alexander the Great and the Hellenistic Empire. L., 1947, 297 стр., две книги Робинсона — Ch. A. R o b i n s o n, Alexander the Great, The Meeting of East and West in the World Government and Brotherhood, N. Y., 1947, 252 стр.; о н ж е, The history of Alexander the Great, 1953 (работа преимущественно источниковедческого характера), и, наконец, капитальная двухтомная работа W. T a g n, Alexander the Great, Cambr., 1948 (см. нашу рецензию — ВДИ, 1952, № 1, стр. 173—179).